

Балаховская Александра Сергеевна

ВИЗАНТИЙСКАЯ АГИОГРАФИЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА VII-X ВВ. МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМ ФАКТОМ И ЛИТЕРАТУРНЫМ СЮЖЕТОМ

В статье на материале византийских житий Иоанна Златоуста VII-X веков, впервые введенных в научный обиход отечественной византистики, исследуется актуальная проблема соотношения исторических и литературных элементов в тексте агиографического произведения. Автор приходит к выводу, что в житиях Иоанна Златоуста VII-X веков, по сравнению с агиографическими произведениями начала V века, наблюдается сдвиг от историзма в сторону дидактизма и сюжетного повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-342; 82-344; 82-94

Филологические науки

В статье на материале византийских житий Иоанна Златоуста VII-X веков, впервые введенных в научный обиход отечественной византистики, исследуется актуальная проблема соотношения исторических и литературных элементов в тексте агиографического произведения. Автор приходит к выводу, что в житиях Иоанна Златоуста VII-X веков, по сравнению с агиографическими произведениями начала V века, наблюдается сдвиг от историзма в сторону дидактизма и сюжетного повествования.

Ключевые слова и фразы: византийская агиография; историческая биография; житие; агиографическая легенда; сюжетное повествование; дидактика.

Балаховская Александра Сергеевна, к. филол. н.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
a.balakhovskaya@gmail.com

**ВИЗАНТИЙСКАЯ АГИОГРАФИЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА VII-X ВВ.
МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМ ФАКТОМ И ЛИТЕРАТУРНЫМ СЮЖЕТОМ[©]****1. Введение**

Является ли житие византийского святого исторической биографией, в которой содержатся подлинные факты его жизни, или это произведение, имеющее чисто литературный характер, в котором история отступает на второй план? Эта проблема является актуальной для современной византистики, о чем свидетельствует, например, не так давно изданный в Париже сборник статей «Жития византийских святых. Литературный жанр или историческая биография» [7].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, в каком соотношении друг с другом в византийском житии находятся историческое свидетельство и литературный сюжет. Материалом исследования являются малоизученные памятники агиографии Иоанна Златоуста, одного из самых известных и любимых византийских святых. Благодаря особому почитанию Иоанна Златоуста византийцами, в его честь было создано большое количество агиографических произведений, принадлежащих различным авторам, жившим в разные периоды развития византийской литературы. Таким образом, агиографическая традиция этого святого весьма полно представляет собой литературный процесс в Византии, что дает основание для изучения поставленной проблемы обратиться именно к ней.

2. Общая характеристика агиографии Иоанна Златоуста

Иоанн Златоуст (ок. 349-407), епископ константинопольский, знаменитый проповедник, церковный пастырь, заступник обездоленных, был незаконно низложен с константинопольского престола и кончил жизнь в ссылке, однако через тридцать лет после кончины епископа его мощи были торжественно перенесены в Константинополь, и с тех пор не прекращалось его почитание как святого.

Первые сочинения в его честь появились сразу после его кончины, в 408 году. Это были «Диалог с Феодором, римским диаконом о житии блаженного Иоанна, епископа константинопольского, Златоуста» Палладия, епископа Еленопольского [11] и «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия Антиохийского [10]. Эти сочинения были созданы то время, когда Иоанн Златоуст был спорной фигурой, и его святость была очевидна лишь его друзьям и сторонникам. Поэтому и «Диалог», и «Надгробное слово» являются произведениями полемическими и апологетическими. Их авторы стремятся не только восхвалить добродетели Иоанна Златоуста, но, прежде всего, оправдать его от обвинений оппонентов и раскрыть его подлинное значение для церковной жизни.

Палладий Еленопольский и Псевдо-Мартирий Антиохийский были современниками происходящих событий и писали об Иоанне Златоусте на основе личных свидетельств. Поэтому их сочинения являются не только агиографическими, но и историческими, в которых запечатлен исторический образ Иоанна Златоуста [1, с. 19-68].

Однако постепенно характер агиографии святого меняется. К VI веку бурная полемика вокруг личности константинопольского епископа была забыта, а его святость и духовный авторитет признаны всеми. О нем складываются легенды, в его честь создаются хвалебные жития [Там же, с. 9].

К середине VII – началу VIII в. относится житие святого, надписанное именем Георгия, патриарха Александрийского (620-630) [3; 6, р. 69-285]. Это произведение носит компилятивный характер. Его неизвестный автор (в научной критике его именуют Псевдо-Георгием) положил в основу своего труда многочисленные источники, в число которых вошли уже упомянутый выше «Диалог» Палладия Еленопольского, VI книга «Церковной истории» Сократа Схоластика [13], фрагменты V книги «Церковной истории» Феодорита Кирского [8, vol. 82, col. 1256-1269], фрагменты некоторых творений самого Иоанна Златоуста [ibidem, vol. 48, col. 624-625], а также легенды об Иоанне Златоусте, возникшие в народной среде [1, с. 119-120]. Таким образом, «Житие» Псевдо-Георгия подвело итог всему, что к этому времени было написано или рассказано об Иоанне Златоусте.

«Житие» Псевдо-Георгия послужило образцом всей последующей агиографии святого. В IX-X веках на его основе было создано несколько анонимных компилятивных произведений, представляющих собой его сокращенные версии [6, р. 303-384, 443-472], а также, а также два литературных переложения: «Похвальное слово» императора Льва VI Мудрого [8, vol. 107, col. 227-292] и «Житие св. Иоанна Златоуста» известного

церковного писателя IX – начала X веков Никиты Пафлагонского [14]. «Житие» Никиты Пафлагонского легло в основу анонимного памятника середины X века [12], который, в свою очередь, послужил источником «Жития св. Иоанна Златоуста» под редакцией Симеона Метафраста [8, vol. 114, col. 1046-1209], завершившее агиографическую традицию святого.

3. Затемнение исторического свидетельства в агиографии Иоанна Златоуста VII-X вв.

Агиография Иоанна Златоуста VII-X вв. является единым литературным пластом, в основе которого лежит «Житие» Псевдо-Георгия. Поэтому основные характерные черты этого произведения можно рассматривать и как характерные черты всех последующих агиографических произведений.

Главной особенностью «Жития» Псевдо-Георгия является то, что перед нами не оригинальное авторское сочинение, а компиляция. В основе «Жития» лежат две категории источников. Одна из них – это источники историко-литературные: «Диалог» Палладия, «Церковная история» Сократа Схоластика, «Церковная история» Феодорита Кирского, творения самого святого. Опираясь на них, агиограф создает историческую канву для своего повествования.

Все основные исторические сведения Псевдо-Георгий заимствует из «Диалога» Палладия Еленопольского. Это рассказы о воспитании и образовании юного Иоанна, о его духовном возрастании, о рукоположении в сан диакона, пресвитера и затем епископа, о епископском служении Иоанна Златоуста в Константинополе, о причинах конфликта Иоанна Златоуста с клиром и императорской властью, о низложении Иоанна Златоуста на соборе «у Дуба», об окончательном изгнании епископа из Константинополя, о его жизни и кончине в ссылке [1, с. 97-107].

Заимствования из «Диалога» Палладия восполнены в «Житии» данными «Церковной истории» Сократа Схоластика [Там же, с. 107-115]. Например, Псевдо-Георгий почерпнул из этого произведения отсутствующие в «Диалоге» имена родителей Иоанна Златоуста [13, р. 660], имена его учителей [Ibidem], рассказ о его друзьях, некоторые сведения о периоде епископского служения Иоанна Златоуста, например, об организации им крестных ходов против ариан [Ibidem, р. 683-685] и др.

Полноту исторической картины, созданной на основе «Диалога» Палладия и «Церковной истории» Сократа Схоластика, довершают фрагменты, взятые из других произведений. Например, из сочинения Иоанна Златоуста «О священстве» Псевдо-Георгий заимствует рассказ святого о своей материи [8, vol. 48, col. 624-625], а из «Церковной истории» Феодорита Кирского – о миссионерской деятельности Иоанна Златоуста [Ibidem, vol. 82, col. 1257A-1260A].

Неоспоримым достоинством «Жития» Псевдо-Георгия является искусное согласование различных фрагментов из использованных в нем историко-литературных памятников. По словам известного исследователя биографии и творчества Иоанна Златоуста К. Баура, именно в этом заключается ценность «Жития» Псевдо-Георгия [4, р. 46], в котором история Иоанна Златоуста представлена полно и многогранно.

Однако Псевдо-Георгий не ограничился обращением лишь к историко-литературным сочинениям. К тому времени, как он создавал свое произведение, возникло большое количество различных легенд о святом. По словам ученого-болландиста И. Делеэ, легенда представляет собой псевдо-историческое повествование, в основе которого лежит исторический факт, обросший в народном сознании большим количеством фантастических подробностей, заслоняющих собой реальную историю [5, р. 9-10]. Для легенд о святых в целом характерно изображение сильных страстей, поражающих воображение сцен, любовь к чудесному и сверхъестественному [Ibidem, р. 40-53].

Легенды об Иоанне Златоусте составляют вторую категорию источников, использованных в «Житии» Псевдо-Георгия. Их содержание во многом параллельно содержанию исторических источников и состоит из рассказов о детстве святого, о его воспитании и образовании, жизни в монашестве и епископском служении. Однако в легендах все эти события представлены в ярких фантастических красках, перемежаются рассказами о чудесах и видениях святого.

Например, в отличие от памятников ранней агиографии, где вообще не упоминается о чудесах Иоанна Златоуста, «Житие» Псевдо-Георгия изобилует описанием чудотворений святого. Таковы рассказы о многочисленных совершенных им исцелениях: прокаженного [6, р. 98-101], кровоточивой жены [Ibidem, р. 103-104], отрока больного горячкой [Ibidem, р. 116-118], бесноватого [Ibidem, р. 131-132], а также о чуде умерщвления знаменем креста свирепого льва [Ibidem, р. 104-106].

Помимо описания чудес, в «Житии» присутствуют и яркие эмоциональные сцены, изображающие сильные страсти. Таково, например, описание конфликта императрицы Евдоксии и Иоанна Златоуста [Ibidem, р. 191-198], также как и рассказы о чудесах, отсутствующие в ранних агиографических произведениях.

Сам конфликт, согласно житию Псевдо-Георгия, разгорелся из-за того, что епископ обличил императрицу в присвоении виноградника бедной вдовы. Сделала же Евдоксия это в провокационных целях, чтобы найти повод расправиться с Иоанном, который и раньше обличал ее в жадности.

Златоуст представлен здесь не благородным и милостивым, как в ранних агиографических памятниках, а гневным и обличающим. Он сам спровоцировал императрицу на конфликт, оскорбив ее сравнением с нечестивой библейской царицей Иезавелью. Императрица же изображена одержимой страстями до такой степени, что не может публично их сдерживать. Когда по повелению Златоуста перед ней были затворены церковные двери, она стала публично кричать, обвиняя епископа в ненависти к ней.

Наряду с рассказом о конфликте Иоанна Златоуста с императрицей Евдоксией упомянем и описание жестокого наказания лиц, виновных в ссылке Иоанна Златоуста. По приказу императора Аркадия им отрубили головы, тела повесили на деревья, а у их родственников отобрали имущество и подвергли избиениям и пыткам [Ibidem, р. 267].

Подобных ярких запоминающихся и волнующих воображение сцен в «Житии» Псевдо-Георгия много. Разумеется, они не могли не впечатлить и не взволновать рядового читателя. По силе эмоционального воздействия заимствованные из исторических источников повествования не могли конкурировать с ними, они отошли на задний план и сделались как бы фоном для легендарных сюжетов. Таким образом, историческое свидетельство, содержащееся в «Житии» Псевдо-Георгия, было затемнено и умалено.

То же самое можно сказать и о более поздних житиях Иоанна Златоуста, поскольку все они созданы по той же модели, что и «Житие» Псевдо-Георгия. Остановимся отдельно лишь на так называемом «Житии св. Иоанна Златоуста» Анонима, появившемся во второй половине X века.

Особенностью этого произведения является то, что в него включены яркие легенды об Иоанне Златоусте, имевшие более позднее происхождение, нежели легенды, вошедшие в «Житие» Псевдо-Георгия. Назовем, например, сказания об откровении Григорию Богослову, что никто, кроме Иоанна Златоуста не сможет истолковать вызвавший у него затруднение отрывок Священного Писания [13, р. 318], или о явлении Иоанну Златоусту Божией Матери и апостолов Андрея и Стахия, возвестивших ему о предстоящих страданиях [Ibidem, р. 338].

Помимо легенд позднего происхождения, Аноним использует в качестве источника «Надгробное слово» Псевдо-Мартрия Антиохийского, произведение неизвестное большинству агиографов Иоанна Златоуста, но содержащее важные исторические сведения о святом. Заслуга Анонима заключается в том, что он сумел выбрать из «Надгробного слова» наиболее значительные фрагменты и в их числе рассказ о строительстве Иоанном Златоустом больницы для прокаженных и наложении запрета на это строительство на соборе «у Дуба», низложившим его с престола [Ibidem, р. 336-337]. Значение этого сюжета велико, поскольку в нем заключено уникальное свидетельство о противодействии врагов Иоанна Златоуста его благотворительной деятельности. Это свидетельство проливает свет на суть конфликта епископа с властью и, в частности, с императрицей Евдоксией. Тем не менее, этот важный исторический эпизод остается практически незамеченным, будучи заслонен находящимися на первом плане многочисленными легендами о святом.

4. Легенды и сюжетное повествование в агиографии VII-X вв.

Легенды об Иоанне Златоусте в агиографических памятниках VII-X вв., с одной стороны, заслоняют собой историческую основу этих произведений, с другой же, оказывают существенное влияние на их литературные особенности.

Поскольку агиографические памятники VII-X вв. были отдалены во времени от описываемых в них событий, та острая полемика вокруг фигуры Иоанна Златоуста, в которую были вовлечены авторы ранних агиографических произведений, перестала быть актуальной. В силу этого агиографы VII-X вв. были сосредоточены не на выяснении исторической правды, как это было с создателями ранних агиографических произведений, а на духовном назидании читателя, на примере образа Иоанна Златоуста. Для этого они стремились создать такие повествования, в которых не только содержались бы сведения о жизни Иоанна Златоуста, но которые, в первую очередь, были бы и увлекательны для чтения и содержали нравственные наставления. Этой цели им помогли достичь легенды о святом.

Обратимся к легендам, вошедшим в состав «Жития» Псевдо-Георгия. Они представляют собой небольшие сюжетные новеллы, пронизывающие всю биографию святого, начиная с рассказа о его детстве и вплоть до последних дней его жизни. Одним из примеров такой новеллы является повествование об отказе отрока Иоанна ездить в школу на богатой колеснице в сопровождении слуг [6, р. 74-76]. Оно сводится к следующему. Знатные родители юного Иоанна приставили к нему лошадь, слуг и множество копыеносцев, чтобы они сопровождали его в школу. Но отрок, будучи смиренным, отказался от этого. Когда слуги стали упрашивать его повиноваться родителям, Иоанн остался тверд, говоря, что не может нарушить того, что сказано в Священном Писании. Слуги рассказали об этом родителям, и те, в свою очередь, стали требовать от сына исполнения их воли. Премудрый же сын их, основываясь на Священном Писании, преподал им нравственное наставление и убедил в своей правоте.

Другим примером может послужить рассказ о чуде умерщвления Иоанном Златоустом свирепого льва. В окрестностях Антиохии поселился лев, нападавший на скот и людей, против которого были бессильны даже вооруженные солдаты. Страх и уныние царили среди всех жителей. Наконец, они пришли к Иоанну за помощью. Он обличил их в неверии и велел поставить на месте, где лев совершал бесчинства, знамение Креста. Когда утром люди пришли на то место, они увидели льва мертвым. Все прославили Бога, а многие неверующие обратились к вере и крестились.

Не будем утомлять внимание читателя обращением к другим многочисленным эпизодам «Жития», написанным на основе легенд о Златоусте. Назовем лишь такие из них, как рассказы о патриции Феодорихе [Ibidem, р. 148-151], о вдове Каллитропе [Ibidem, р. 167-171], о винограднике вдовы Феогноста [Ibidem, р. 191-196], об отлучении римским папой от причастия императора и императрицы [Ibidem, р. 263-267], о покаянии императора и наказании им виновных в изгнании Иоанна Златоуста [Ibidem, р. 267-269] и др.

Итак, использование Псевдо-Георгием сюжетных мотивов, созданных на основе легенд, помогло ему выстроить последовательность событий жизни Иоанна Златоуста в увлекательный сюжет. В последующей агиографической традиции наблюдается дальнейшее развитие сюжетного повествования. Оно идет в двух направлениях. Во-первых, это углубленное развитие уже существующих сюжетных мотивов, имеющих место в «Житии» Псевдо-Георгия.

В качестве примера можно привести мотив горя монахов, когда Иоанн Златоуст покидал монастырь, чтобы принять рукоположение в сан пресвитера [Ibidem, р. 112]. В «Житии» Псевдо-Георгия рассказывается, как монахи, когда Иоанн покинул монастырь вместе с епископом Флавианом, пошли за ним. После того, как епископ Флавиан наложил на них епитимью, они вернулись в монастырь, рыдая и ударяя себя в грудь.

В «Житии» Никиты Пафлагонского, написанном на основе «Жития» Псевдо-Георгия, этот мотив обрабатывается дополнительными деталями. Здесь повествуется, что монахи, взрослые мужчины, скорбели настолько, что обливали слезами бороды и разрывались в воплях и рыданиях. Они даже дали клятву, что не покинут Иоанна и не останутся больше в монастыре, будучи лишены наставлений своего учителя [14, fol. 95^{r1}].

Во-вторых, развитие сюжетного повествования в агиографии Иоанна Златоуста идет по пути усложнения сюжета путем добавления новых сюжетных мотивов. В этом отношении весьма показателен такой памятник, как «Житие» Анонима, написанный на основе «Жития» Никиты Пафлагонского и вобравший в себя, как уже было упомянуто выше, большое количество легенд о святом, не известных другим агиографам.

Приведем в качестве примера то, как Аноним восполняет мотив борьбы с арианством. В «Житии» Псевдо-Георгия и в «Житии» Никиты Пафлагонского рассказывается о противодействии Иоанна Златоуста арианам, в то время еще остававшимся в Константинополе, и вслед за этим следует повествование об арианине готе Гаине и поднятом им мятеже против власти [Ibidem, fol. 114^{r2}-117^{r2}]. Аналогичный рассказ имеет место и в «Житии» Анонима, однако мотив борьбы с арианами и мотив Гаины здесь восполнен еще и мотивом обращения в православие духобора Александра и его супруги (заметим, что духоборы или македоняне были разновидностью ариан) [12, р. 331-333].

Однажды по пути из храма Апостолов Иоанн Златоуст подошел к незнакомцу и, назвав его по имени, попросил зайти к нему в патриархию. Человек этот, а он и был Александром, последовал за патриархом, который и обратил его из ереси к истинной вере. После этого Александр стал стремиться обратиться к истине свою супругу, но она обманывала его, на словах говоря, что исповедует православие, а на деле оставаясь в ереси. Тогда супруг потребовал от нее в качестве доказательства причаститься. Она же, получив православное причастие, отдала его служанке, а сама приняла у нее причастие от еретиков. Положив его в рот, она почувствовала, что хлеб превратился в камень. Иоанн Златоуст получил откровение о произошедшем и повелел диакону оповестить об этом всех присутствующих. После этого женщина устрашилась и обратилась к истинной вере.

Таким образом, повествования агиографических произведений VII-X вв., посвященных Иоанну Златоусту, составлены из многих мотивов, объединенных в увлекательный сюжет. Однако одновременно с тем, что чтение «Жития» увлекает читателя, оно его еще и назидает. Практически все сюжетные мотивы, созданные на основе легенд, дидактичны. Сюжетный мотив об отроке Иоанне учит смирению, мотив об избавлении от свирепого льва – вере, мотив о винограднике вдовы Феоноста – состраданию к обиженным, мотив об обращении еретика Александра и его жены в православие обличает ересь и учит отвращаться от нее.

5. Заключение

Итак, в агиографии Иоанна Златоуста VII-X вв. историческое свидетельство, безусловно, присутствует. В «Житии» Псевдо-Георгия оно заключено в многочисленных заимствованиях из историко-литературных источников. К ним же оно восходит в памятниках, созданных на его основе. С другой стороны, это историческое свидетельство, по сравнению с памятниками ранней агиографии, затемнено из-за использования в агиографической традиции легенд о святом.

Агиографические легенды, содержащиеся в житиях Иоанна Златоуста VII-X вв., не только снизили значение заключенного в них исторического свидетельства, но и оказали решающее влияние на их литературные особенности. Именно благодаря им в рассматриваемых агиографических памятниках сформировался новый тип литературности, по сравнению с памятниками ранней агиографии.

Авторы памятников ранней агиографии начала V века – «Диалога» Палладия и «Надгробного слова» Псевдо-Мартирия – стремились к установлению исторической правды. В этом отношении их произведения были историческими. Но одновременно они были и произведениями литературными. По своим литературным параметрам они относились к периоду поздней христианской античности, и их литературность заключается в том, что они написаны в согласии с правилами и нормами, предписанными античной риторической традицией [1, с. 52-58; 10, р. 479-481].

По сравнению с ними в агиографии VII-X вв. зарождается иной тип литературности. «Житие» Псевдо-Георгия и последующие памятники, основывающиеся на нем как на образце, были созданы не для установления исторической истины, а, в первую очередь, для назидания аудитории. Они являются произведениями дидактическими. Но чтобы назидательное повествование привлекло к себе внимание, оно должно быть интересно [2, с. 69]. Этой цели и послужили заимствованные из легенд увлекательные сюжеты, благодаря которым «Житие» Псевдо-Георгия и появившиеся вслед за ним агиографические произведения содержат в себе динамичное и увлекательное сюжетное повествование, говорящее о зарождении в агиографии Иоанна Златоуста VII-X вв. зерна беллетристичности [Там же, с. 7].

Таким образом, в агиографии Иоанна Златоуста VII-X вв. наблюдается сдвиг от историзма ранних памятников начала V века в сторону дидактизма, с одной стороны, и сюжетного повествования, с другой.

Список литературы

1. Балаховская А. С. Иоанн Златоуст в византийской агиографической традиции (V-X вв.). М.: Тезаурус, 2013. 300 с.
2. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. 595 с.
3. Baur Ch. Georgius Alexandrinus // Byzantinische Zeitschrift. 1927. Vol. 27. P. 1-16.
4. Baur Ch. S. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire littéraire: Recueil de travaux publiés par les membres des conférences d'histoire et de philologie, 18 fascicule. Louvain – Paris, 1907. 312 p.

5. **Delehaye H.** The Legends of the Saints. An Introduction to Hagiography Notre Dame. Indiana: University of Notre Dame Press, 1961. XVI+253 p.
6. **Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome** / Publiés par François Halkin. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1977. 562 p.
7. **Les vies des saints à Byzance: Genre littéraire ou biographie historique?** Actes du II-e colloque internationale philologique «HPMHNEIA» organisé par l' E.H.E.S.S. et l'Université de Chypre sous la direction de Paolo Odorico et Panagiotis A. Agapitos / Centre d' études byzantines, néohelléniques et sud-est européennes, École des Hautes Études en Sciences Sociales. Paris, 2004. 427 p.
8. **Migne J.-P.** Patrologiae Graecae Cursus Completus: in 161 vols. Paris, 1857-1866.
9. **Ommeslaeghe F. van.** De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek: PhD Dissertation. Louvain, 1974. XI+322 p.
10. **Ommeslaeghe F. van.** La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Martyrius d' Antiochy (BHG 871) // Studia Patristica. 1975. Vol. 12. P. 478-483.
11. **Palladios.** Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome. Sources Chrétiennes, 341. Paris: Les éditions du Cerf, 1988. T. I (introduction, texte critique, traduction et notes par A-M. Malingrey et Ph. Leclercq). 451 p.
12. **Savile H.** Chrysostomi opera omnia: in 8 vols. Eton, 1612-1613. Vol. 8. P. 293-371.
13. **Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the Latin Translation of Valesius:** in 3 vols. / ed. R. Hussey. Oxford, 1853. Vol. 2. 887 p.
14. **Vita a. Niceta Philosofo.** Cod. Thessalonic. Βλατ.4, saec. XI, fol. 77-155.

**BYZANTINE HAGIOGRAPHY OF JOHN CHRYSOSTOM
OF THE VII-X CENTURIES BETWEEN HISTORICAL FACT AND LITERARY PLOT**

Balakhovskaya Aleksandra Sergeevna, Ph. D. in Philology
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
a.balakhovskaya@gmail.com

The article by the material of the Byzantine Lives of John Chrysostom of the VII-X centuries, first introduced in the scientific circulation of domestic Byzantine studies, researches the actual problem of the correlation between the historical and literary elements in the text of the hagiographic work. The author concludes that there was a shift from historicism toward didacticism and plot narrative in the Lives of John Chrysostom of the VII-X centuries, as compared to the hagiographic works of the beginning of the V century.

Key words and phrases: Byzantine hagiography; historical biography; Lives; hagiographic legend; plot narrative; didactics.

УДК 81.35

Филологические науки

В статье рассматривается ценность «правда» в системе нравственных ценностей представителей разных народов, проживающих на Северном Кавказе: кабардинцев, черкесов, балкарцев, карачаевцев, осетин, русских; показывается многообразие ее проявления в паремиях; выявляются общие и специфические конструкции паремий в исследуемых языках; доказывается на материале соответствующих паремий, что образная логика людей разных национальностей может производить универсальные модели.

Ключевые слова и фразы: ценность «правда»; паремии в языках народов Северного Кавказа; общечеловеческие ценности; значимость правды в системе ценностей народов; паремиологические картины мира; отношение к правде.

Балова Ирина Мухтаровна, д. филол. н.
Будаева Людмила Ахмадовна, к. пед. н.
Кабардино-Балкарский государственный университет
balova@mail.ru; ludmila.budaeva@gmail.com

**«ПРАВДА» КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО,
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ)[©]**

Паремии, как известно, представляют собой систему высказываний оценочного характера, моделирующих нравственные ценности, и в связи с этим являются уникальным источником изучения ценностной картины мира этноса. Они являются своеобразной «энциклопедией» алгоритмов поведения человека в самых разных жизненных ситуациях, сводом представлений народа о философских, нравственных категориях: времени, пространстве, количестве, добре, счастье и т.д. Исследование паремий в грамматическом, семантическом, культурологическом и когнитивном аспектах представляет значительный интерес для лингвистов, о чем свидетельствует немалое количество научных работ последнего времени. Однако широта и глубина заложенной в них